

ВРАЧ Н.В.СЛЮНИН—О КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ АНАДЫРСКИХ ЧУКЧЕЙ (1892 г.)

Дмитрий Борисович ТАРАСЕНКО,
старший преподаватель Дальрыбвтуза, г. Владивосток.

Николай Васильевич Слюнин (1850—1925), врач, исследователь коренных народов Северо-Востока России, участник Охотско-Камчатской экспедиции 1895—1898 гг., родился в с. Воробьево Курского уезда, неподалёку от г. Курска. Закончил Белгородскую духовную семинарию, затем поступил в Санкт-Петербургский университет, но из-за недостатка средств был вынужден продолжить обучение за казённый счёт в медико-хирургической академии, которую окончил в 1882 г. Получив специальность лекаря, Николай Васильевич служил на военном флоте в качестве судового врача. В 1892—1893 гг. участвовал в экспедиции на транспорте «Якут» в Беринговом море. Выйдя в отставку, Слюнин работал чиновником по особым поручениям в Министерстве финансов. После революции 1917 г. жил в г. Белгороде, занимаясь только врачебной практикой.

На Чукотке Н.В. Слюнин побывал в 1892 г. во время экспедиции на военном транспорте «Якут». 24 июня 1892 г. (по старому стилю) судно бросило якорь в Анадырском заливе. Несмотря на кратковременность пребывания (с 25 июля по 1 августа 1892 г.), он получил некоторые сведения, характеризующие традиционную культуру и быт чукчей, составил небольшой словарь (61 слово) и собрал этнографическую коллекцию. Результаты исследования вошли в статью «Среди чукчей»¹, в ней Н.В. Слюнин выдвинул две гипотезы по этногенезу и этнической истории чукчей, считая, что они переселились из Америки в Северо-Восточную Азию приблизительно в XIII в. Исследователь также предполагал, что раньше чукчи были оседлым народом. Аргументом в пользу первой гипотезы послужили чукотские предания. Для подкрепления второй гипотезы Николай Васильевич сослался на чукотский обычай готовить запасы продовольствия, «широкое употребление зелени и значительную скупость в характере»².

Исследуя этнографию чукчей, Н.В. Слюнин прибегал к услугам информаторов, например священника из с. Марково о. Шипицына и служилого казака Петра Попова. В июне 1892 г. экспедиция проводила исследования в посёлке чукчей, расположенном на песчаном берегу Анадырского залива. Посёлок состоял из 18 юрт. Обитатели посёлка, писал Слюнин, мужчины «...более чем среднего роста, крупной кости, широкоплечие, в большинстве хорошо питанные... лицо короткое и немного широкое;

женщины — невзрачные, низкого роста, с замечательно маленькой ступнёй, лицо такое же, как у мужчин, глаза с прямым разрезом, смугловатая кожа, кажущаяся более тёмной от постоянной грязи (чукчи почти никогда не моются)»³.

Далее он пояснил, что мужская одежда анадырских чукчей изготавливалась из оленьих шкур (верхняя и нижняя *кухлянка*-рубaha). Внутренняя часть называлась *иране*. Она шилась мехом внутрь. Верхняя — мехом наружу и подпоясывалась ремнём *рицит*. Обувь *плекет* — лёгкие сапоги из выделанной нерпичьей шкуры. «Все мужчины ходят обыкновенно с непокрытой головой; чёрные прямые волосы подстрижены спереди в кружок, макушка выбрита или коротко выстрижена... на спине *кухлянки* (рубahaх) у некоторых висят два шнурка из окрашенной шерсти (т.н. *унуки*) как украшения; на поясе (*рицит*) подвешена самодельная трубка из дерева или моржового клыка с множеством вырезанных на ней фигур животных. На шее, на тонком ремешке, — вышитый бусами, иногда цветными нитками небольшой мешочек, в котором хранятся огниво, кремь и трут из дерева и растений, приготавливаемые самими чукчами»⁴. Только у одного молодого парня Слюнин обнаружил длинные волосы, заплетённые в две косички и завязанные красной лентой.

Женская одежда отличалась от мужской тем, что «сшита гораздо длиннее и шире с целью, чтобы можно было сбрасывать один рукав, когда жарко...; волосы заплетены в две косы, убраны лентами и бусами; *тарбасы* (сапоги) отличаются большим изяществом в работе и зачастую красивым шитьём цветными нитками», — пишет Н. В. Слюнин. — «Праздничный костюм чукчанки отличается различным шитьём цветными бусами *кухлянки*, шапки (*Кэли*) и рукавичек (*лилит*)»⁵.

Татуированных чукчанок он не встретил, поэтому описал способ наносить татуировку со слов информатора-священника, который сообщил, что «обыкновенно этой операции подвергают на 5—6 году; уколы делаются иглой или рыбной костью и затем втирают сажу. Татуировка производится полосами вокруг крыльев носа и углов рта, а отсюда полоса тянется до нижнего края ушной раковины»⁶. Ссылаясь на информатора, Слюнин отметил, что этот обычай постепенно уходит в прошлое. Другой исследователь начала XX в. Н. И. Беретти подтвердил наличие женских татуировок у чукчей⁷.

Жилище чукчей — «...круглый конусообразный шалаш, для основы которого употребляется выкидной лес (выброшенный морем или рекой на берег) и рёбра кита; покрыты они оленьими шкурами, шерстью вверх, концы их прикреплены к колышкам, вбитым в землю; если шкуры не доходят до земли, к ним привешены большие камни, чтобы не сносило ветром; низкая дверь закрывается также шкурой»⁸. Внутри чукотской юрты, по словам Слюнина, посередине стоит толстый шест, на котором и держится весь остов жилища. Тут же горит костёр, дым от которого скапливается в верхней части юрты и выходит через специальное отверстие в крыше. Над костром — треножник с котелком, в котором варилась ка-

кая-то еда. Из домашней утвари Николай Василевич отметил деревянное корыто, миски, стрелы для лука и главный музыкальный инструмент чукчей — барабан. «По стенам лежала собачья упряжь, пузыри (желудки) с жиром, куски засохшей рыбы, обглоданные кости... Недалеко от входа стояла магазинка (винтовка) Винчестера и рядом с нею длинное кремневое ружьё, дуло которого обмотано ремнём»⁹. Внутри юрты развешена на шестах юкола (вяленая рыба).

Слюнин собрал этнографическую коллекцию из предметов, сделанных из моржовой кости (местные птицы, сухопутные и морские звери, рыбы) и кукол в национальных костюмах. Со слов переводчика, такие куклы «...дают детям с целью предохранить их от разных болезней»¹⁰. В коллекции отмечены четыре экспоната: курительная трубка, вырезанная из цельного куска клыка с изображёнными на ней животными и даже людьми; курительная трубка, изображающая голую женщину, сидящую с согнутым коленом (исследователь предположил, что моделью послужила трубка американская); замшевые белые перчатки, которые по качеству трудно отличить от петербургских; доска, на ней коричневой краской неизвестного происхождения изображены сцены охоты за нерпами, юрты, люди в разных, весьма характерных позах. Последний экспонат исследователь выделил особо: «...краска оказалась настолько прочной, что не сошла, когда доска случайно целый день пролежала в воде». Николай Васильевич предположил, что это изображение «представляет уже зачатки рисования и живописи» у чукчей¹¹.

По мнению исследователя, пища чукчей крайне скудна и однообразна. Основа рациона: у кочевых чукчей — оленина, у прибрежных — мясо морских животных (нерпы, моржа, белухи) и лососи. В пищу использовались растения. По данным информатора Попова, они употребляли морские водоросли и ягоды (морозика, рябина, брусника, «дикуша», воронья ягода), травы (ромашка и «хируть(?)»), «из других — листья, ветви и корни ели, ивы, пельхи». Травы заваривали вместо чая, ягоды ели отдельно и использовали в качестве приправы. По свидетельству Слюнина, в пищевом рационе чукчей отсутствовала соль: «если... дать чукче посоленную оленину, он отказывается её есть»¹².

Описывая способы хранения и приготовления рыбных и мясных блюд, Н. В. Слюнин подчеркнул крайнюю неряшливость и антисанитарию: «В юртах я видел целые кучи плохо вычищенной и едва подвяленной рыбы и большие куски нерпичьего мяса, валявшиеся на земле по разным углам; мухи сплошной массой покрывали эту пищу; заходящие в юрту собаки грызли и лизали эти запасы, и бывало, чукчанка отгонит собаку, затем отхватит ножом кусок и сама начинает грызть: ни песок, ни шерсть на пище её не смущают». В качестве причины неряшливости исследователь назвал «плохую материальную обстановку чукчей, по сравнению даже с камчадалами и алеутами»¹³.

Слюнин отметил, что нерпичий жир вытапливают и сохраняют в желудках нерп. «По рассказам анадырских чукчей, никто из них не решится

зимой отправиться в далёкое путешествие, не выпив зараз несколько фунтов жиру, — иначе он рискует замёрзнуть»¹⁴. Николай Васильевич описал два способа заготовки мяса: подвяливание на солнце и хранение в замороженном виде в зимнее время, привёл способы приготовления некоторых чукотских блюд: «...У только что убитого оленя опоражнивают желудок, и содержимое последнего вываливают в корыто; ещё теплое, оно перемешивается с жидким нерпичьим жиром и с жадностью поедается. Иногда желудочное содержимое оленя кладётся грязными руками в желудок нерпы, заранее высушенный, и затем туда наливается тёплая кровь оленя; всё старательно перемешивается. Кровь оленя всегда собирается; пьют её свежую, а потом из неё варят род похлёбки. Некоторые ягоды местных растений, как воронья морошка, голубица, рябина и пр., также поджариваются с нерпичьим жиром. Из других деликатесов чукотского стола нужно назвать: мозг живых рыб, мозг берцовых костей оленя, высушиваемый обыкновенно ещё дымящимся; копчёный олений язык, оригинальные лепешки (*пынт-ытычкин*), которые готовятся из сырого оленьего мяса с оленьим же жиром; вся эта масса толчётся в корыте и затем замораживается; летом этого блюда не едят»¹⁵.

По мнению исследователя, «...религиозные представления чукчей одушевляют всю окружающую природу; нет горы, озера, мрачного ущелья и промысловой реки, где бы ни находился особый дух, демон-*авынраляк*...»¹⁶ Местные жители всегда старались задобрить, умилистить духа какой-нибудь жертвой — куском оленины, листом табака или нерпичьим жиром.

В религиозных верованиях и ритуалах коренных жителей Чукотки Слюнин обнаружил определённую иерархию: «Чукотский Олимп населён мужскими и женскими духами, *крекамчаткан* или *кээлен*; между ними после верховного *аган* следует *камака*, управляющий всей землёй, *аисыт*, мать — покровительница чукотского племени, *эмягат*, ближайший посредник между обитателями Олимпа и смертными, через посредство шаманов, которых этот дух выбирает за особые качества (*энэныляк* или *энек-кьяволь*), благодаря которым в шамане, во время экстаза может поселиться *йе-кыла*. Этот последний, живя невидимо на земле, может подниматься в верхний мир для получения советов и указаний от *эмягата*»¹⁷. Согласно чукотскому космогоническому мифу, именно *агань* (по другой версии *кейргеудья*) создал весь мир и первую женщину. Этому верховному существу подчиняются все духи, обитатели озер, гор и проч.

Описывая представления чукчей об астральных явлениях, Слюнин подчёркивал их образность и поэтичность: «Полярная звезда для них — пастух оленей, Орион изображает погоню ламута (эвена) за тремя оленями; Плеяды изображают красавицу Юргялы; северное сияние... это небесные огни, которые разводят великаны, обитающие на далёких островах в Ледовитом океане; утренняя заря — это пробуждение дочери солнца, длинноволосой красавицы Юрюнг Удаган... Большая и Малая Медведица опоэтизированы в былинах о прежних промыслах и занятиях

чукчей, пятна на Луне — опозитизированы лирической легендой — мечта-ние девушек при лунном свете»¹⁸.

Н. В. Слюнин выявил наличие у чукчей представлений о загробном мире и веры в переселение душ. «По представлению чукчей, есть два загробных мира, куда попадает умерший чукча: верхний, служащий продолжением земли на западе, и преисподний, внутри земли, где теплее и больше съестных припасов»¹⁹. Когда чукча умирал, то говорили, что его взял *камака*. Поэтому на местах погребения совершали жертвоприношения — «частью *камака*, взявшему душу покойника, частью ему самому, чтобы потом, приходя на землю и поселяясь в теле одного из родственников, он не чинил бед и зла оставшимся в живых»²⁰.

Исследователь выделил три вида погребений: трупы кремировали, оставляли на горе или в пустынной местности, где их съедали дикие звери, и зарывали в землю. По его сведениям, в земле хоронили шаманов или князьков (больших *эрем*). Важную роль, по свидетельству Слюнина, в жизни чукчей играли шаманы. К их услугам прибегали в случае болезни и чтобы узнать волю духов и покойников. Во время обряда шаман использовал бубен из особого дерева и шкуры, особую одежду, стрелы, конусообразную шапку, своеобразные побрякушки, подвешиваемые к кафтану, и пр.²¹ Во время болезни шаман изгонял злого духа *чапака*, виновника всех болезней.

Н. В. Слюнин поставил вопрос об исследованиях личности шамана и его психики. По его мнению, шаманы обладали сильной способностью внушения «...они могут вызвать всякого рода галлюцинации и не только среди дикарей, но и у цивилизованных путешественников. Я боюсь впасть в пресловутый спиритизм, но думаю, что в явлении шаманства есть очень много тёмных сторон психо-патологического характера, о которых пока трудно сказать что-нибудь определённое»²².

Николай Васильевич изучал народную медицину чукчей, отмечая, что коренные жители Чукотки выделяли внутренние болезни, женские болезни, язвы и нарывы и так называемые «русские болезни» (*нйучалы эллер*) — сифилис и оспу. Из растительных средств врачевания Слюнин выделил девясильник, который употреблялся при внутренних заболеваниях, денежную траву (при женских заболеваниях), шаламайник (нарывное средство как наружное применялся также при ожогах и ознобе), труху гнилого дерева (перевязочный материал при лечении язв). «У многих больных, обращавшихся ко мне за помощью, атонические язвы, засыпанные гнилушей, особенно обращали внимание, потому что, сняв кору, я всегда находил хорошие грануляции без всякого следа реактивного воспаления»²³.

Слюнин заметил психические болезни у чукчей *эмеряк*²⁴. По его данным, это заболевание встречалось практически у всех народов Северо-Восточной Сибири и даже в Забайкалье. В. Иохельсон упомянул об аналогичной болезни и у юкагиров *мэнэрик*²⁵. Характеризуется как арктическая истерия.

Ученый составил словарь чукотского языка (из 61 слова), заметив наличие в нём разных наречий²⁶. Кроме того, нередко отмечал художественные способности чукчей. Косторезы настолько реалистически изготавливали статуэтки, фигуры животных и рыб, «что по ним скорее можно узнать оригиналы, чем по европейским рисункам»²⁷. Технологические приёмы чукотских умельцев достигли высокого мастерства. Это умение выделять ремни, кожи, дубить шкуры, делать невод из оленьих жил. Чукотские дети хорошо поддаются процессу обучения в изготовлении традиционных изделий.

Н.В. Слюнин пришёл к выводу о перспективности развития у чукчей оленеводства, промысла пушных зверей (лисиц), добычи морских животных (моржей и китов). Для этого Российское государство должно создать китобойные фактории, казённые магазины, наладить условия для сбыта предметов промыслов в Европу, Японию и Америку.

Таким образом, собранные исследователем Н.В. Слюниным сведения о культуре и быте анадырских чукчей имеют значительную научную ценность и могут быть использованы в качестве источника по этногенезу и этнической истории народов Северо-Востока России.

¹ Слюнин Н.В. Среди чукчей // Землеведение. М., 1895. Вып. 4. С. 1—46.

² Там же. С. 20—21.

³ Там же. С. 2, 4—6.

⁴ Там же. С. 4—5.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Беретти Н.И. На Крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929. С. 32.

⁸ Слюнин Н.В. Среди чукчей // Землеведение... С. 11.

⁹ Там же. С. 11—12.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 26—29.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Там же. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 20.

²³ Там же. С. 29.

²⁴ Там же. С. 35.

²⁵ Иохельсон В.И. Юагиры и юагиризованные тунгусы. Новосибирск, 2005. С. 74.

²⁶ Слюнин Н.В. Среди чукчей // Землеведение... С. 23—24.

²⁷ Там же. С. 36.

SUMMARY: The article of Dmitrii Tarasenko narratives about the results of ethnographical observations the Chukchies of Anadur by the physician N.V. Sliunin in 1892.